

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА   1949   ЛЕНИНГРАД

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ФОРМУЛА В ПИСЬМАХ ИЛЬ-ХАНОВ АРГУНА (1289 г.) И УЛЬДЗЭЙТУ (1305 г.)

Дипломатические письма иль-ханов Аргуна и Ульдзэйту, которые изучаются уже более ста лет, все еще „представляют неисчерпаемый интерес для монголиста“, как справедливо заметил один из исследователей этих памятников — акад. С. А. Козин.¹

Первое воспроизведение текста писем в виде литографии дал Абель-Ремюза, который вместе с тем сделал попытку изложить их содержание.² Однако честь первого прочтения и перевода их принадлежит нашему монголоведу — акад. И. Я. Шмидту,³ что было отмечено В. Л. Котвичем.⁴

Работы Абель-Ремюза и акад. И. Я. Шмидта были использованы Г. Потье,⁵ Ж.-Б. Шабо⁶ и А. М. Позднеевым,⁷ но эти авторы, как заметил В. Л. Котвич, основывались главным образом на том, что сделал акад. И. Я. Шмидт, и сами почти ничего не прибавили.⁸

Для дальнейшей работы по дешифрованию этих памятников большое значение имело издание их текста в виде гелиографюры в известном „Атласе“ Р. Бонапарта.⁹ Большие успехи монголоведения — в особенности

¹ С. А. Козин. Язык первого периода истории монгольской литературы. ИОН 1935, № 5, стр. 478.

² Abel-Rémusat, Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens et particulièrement des rois de France avec les empereurs mongols. Second mémoire, Relations diplomatiques des princes chrétiens avec les rois de Perse de la race de Thingis depuis Houlagou jusqu'au règne d'Abousaid. Mémoires de l'Institut royal de France, Académie des Inscriptions et Belles Lettres, tome septième, Paris, 1824, стр. 335—448.

³ I. J. Schmidt. Philologisch-kritische Zugabe zu den von Herrn Abel-Rémusat bekannt gemachten, in den königlich-französischen Archiven befindlichen zwei mongolischen Original-Briefen der Könige von Persien Argun und Öldschäitu an Philipp den Schönen. St.-Petersburg, 1824.

⁴ В. Л. Котвич. Поправки к разбору монгольских писем персидских иль-ханов. Зап. колл. востоков. I. Л., 1925, стр. 342.

⁵ G. Pauthier. Le livre de Marco Polo, II. Paris, 1865, стр. 775—781.

⁶ J.-B. Chabot. Histoire de Mar Jabalaha III, Patriarch des Nestoriens et du moine Rabban Cauma, Ambassadeur du roi Argoun au Occident. Paris, 1895, стр. 220—229.

⁷ А. М. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы, I. СПб., 1896, стр. 79—123.

⁸ В. Л. Котвич. Поправки к разбору монгольских писем..., стр. 342.

⁹ Prince Roland Bonaparte. Documents de l'époque mongole des XIIIe — XIVe siècles. Paris, 1895, табл. XIV.

нашего отечественного — дали возможность внести значительные поправки и уточнения в имеющиеся переводы, а также установить правильное чтение и понимание целого ряда отдельных слов и выражений в этих документах. Ставя перед собою сравнительно ограниченные задачи, В. Л. Котвич,¹ акад. Б. Я. Владимирцов² и А. К. Богданов³ в большой мере способствовали выяснению общего содержания этих памятников, в особенности письма Аргуна.

Совершенно новое понимание обоих памятников пытался дать И. А. Клюкин.⁴ Однако акад. Б. Я. Владимирцов не согласился с предложенным им толкованием целого ряда слов.⁵ В. Л. Котвич в еще более категорической форме заметил, что „чтение отдельных слов, а также истолкование всего текста в целом представляются столь мало вероятными, что невозможно признать их правильными“.⁶

В. Л. Котвич произвел новое исследование этих документов в специальной работе,⁷ главная ценность которой заключается в весьма содержательных примечаниях и комментариях, основанных на новейших успехах монгольской филологии.

В своей работе он внес значительные уточнения в перевод акад. И. Я. Шмидта, однако основную мысль письма Аргуна — о совместных военных действиях монголов и франков против Египта — В. Л. Котвич понимает так же, как и акад. И. Я. Шмидт.

На основании последнего перевода В. Л. Котвича (а также переводов предыдущих авторов) создается впечатление, — как заметил акад. С. А. Козин, — что в письме Аргуна „дело идет об обязательствах только лишь монгольской стороны“.⁸ Путем тщательного филологического анализа и оценки взаимоотношений сторон, ведущих дипломатическую переписку о походе против Египта, акад. С. А. Козин весьма убедительно показал, что письмо Аргуна является напоминанием королю франков об его обязанностях союзника и вместе с тем сообщением Аргуна о готовности выполнить взятые на себя обязательства. Таким образом этот памятник, изучавшийся так тщательно и в течение такого продолжительного времени, акад. С. А. Козиным объяснен совершенно по-новому.

Исследование письма иль-хана Ульдзэиту, которое велось одновременно с изучением письма Аргуна, до самого последнего времени не давало определенных результатов — цель и смысл этого документа оставались неясными, вследствие чего он и не был достаточно оценен. По этой причине новейшие западно-европейские историки, напр. Л. Каэн и Р. Груссе

¹ См.: В. Л. Котвич. Поправки к разбору монгольских писем..., стр. 342—344, где он, напр., дает правильное чтение и перевод „Гүрүс ‘камни“; что П. Пеллио читал и переводил „köriüg ‘portrait“ (P. Pelliot, Sur quelques mots d'Asie Centrale attestés dans les textes chinois. Journal asiatique, XI Série, t. I, n° 2, mars—avril (1913, стр. 453).

² Б. Я. Владимирцов. Об одном слове, встречающемся в письме иль-хана Аргуна. ДАН-В, 1923, стр. 152—153.

³ А. К. Богданов. К значению слов *igür-e aγul'γan* в письме иль-хана Аргуна к Филиппу Красивому. ДАН-В, 1923, стр. 237—240.

⁴ И. А. Клюкин. О чем писал иль-хан Аргун Филиппу Красивому в 1289 г. Владивосток, 1925. — Он же. Письмо Улдзэиту иль-хана к Филиппу Красивому, Эдуарду I-му и прочим крестоносцам. Владивосток, 1926.

⁵ Мнение акад. Б. Я. Владимирцова приведено в первой из названных работ И. А. Клюкина, стр. I—II.

⁶ Władysław Kotwicz. En marge des lettres des il-khans de Perse, retrouvées par Abel-Rémusat. Lwow, 1933, стр. 3.

⁷ Ук. соч.

⁸ С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 479—480.

больше и не упоминают об этом письме.¹ Изучение письма Ульдзэйтү возобновил В. Л. Котвич. Он представил новый перевод этого памятника² и показал, что в нем сформулированы основные задачи внутренней и внешней политики монгольской империи в начале XIV в. — поддержание мира внутри государства и создание мировой федерации народов и государств. Одним из шагов для осуществления последней задачи и является, по мнению В. Л. Котвича, посольство с письмом Ульдзэйтү к Филиппу IV.³

Эта работа была подробно рассмотрена акад. С. А. Козиним,⁴ который внес некоторые поправки в перевод В. Л. Котвича, а также предложил новый перевод.

Ответом на последнюю работу акад. С. А. Козина явилась статья В. Л. Котвича: „Еще несколько слов о письмах иль-ханов Персии, найденных Абель-Ремюза“,⁵ в которой он соглашается с некоторыми замечаниями акад. С. А. Козина, но остается при прежнем мнении по отдельным вопросам истолкования текста документа.

В итоге указанных трудов содержание писем Аргуна и Ульдзэйтү было установлено с большой точностью, и только отдельные слова и выражения в них остаются еще не выясненными окончательно.

В большой работе по дешифрованию этих памятников труды наших монголоведов занимают выдающееся место. В течение свыше ста лет перевод акад. И. Я. Шмидта был основой для целого ряда переводов и исследований (Г. Потье, Ж.-Б. Шабо, А. М. Позднеева, Э. Шаванна, П. Пеллио, В. Л. Котвича и др.). Труд акад. С. А. Козина, в котором дано совершенно новое понимание письма Аргуна, несомненно является наиболее значительным научным достижением во всей работе по изучению этого документа.

Исследование аналогичных монгольских документов, обнаруженных в Ватиканском архиве в 1920 г., было начато П. Пеллио.⁶ К сожалению, оно не получило дальнейшего развития. Письма Аргуна (1290 г.) и Газана (1302 г.)⁷ до настоящего времени еще не изучались.⁸ Даже содержание их неизвестно.

Фрагменты монгольских документов Тегеранского Музея также ожидают исследователя. Из краткого предварительного сообщения П. Пеллио⁹ видно, что первый из них представляет собою инвокативную формулу; второй — окончание (судя по печати) эдикта Аргуна (без даты); третий (наиболее сохранившийся) — эдикт Абу-Саида (1320 г.).

Работы по дешифрованию писем иль-ханов в большинстве случаев сопровождались изучением особенностей орфографии, лексики и морфоло-

¹ Dr. Władysław Kotwicz. Les Mongols promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIV-e siècle. Varsovie, 1933, стр. 3.

² Он же. En marge des lettres..., стр. 33—48.

³ Он же. Les Mongols promoteurs de l'idée..., стр. 3—5.

⁴ С. А. Козин. К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских иль-ханов. ИОН. 1935, № 7, стр. 645—655.

⁵ Władysław Kotwicz. Quelques mots encore sur les lettres des il-khans de Perse, retrouvées par Abel-Rémusat. Wilno, 1936.

⁶ P. Pelliot. Les Mongols et la Papauté. Extrait de la Revue de l'Orient chrétien, 3-e Série, t. III (XXIII), №№ 1 et 2 (1922—1923), стр. 3—30.

⁷ Там же, стр. 3.

⁸ P. Pelliot. Les documents mongols du Musée de Teheran, Athar-é Irān. Annales du Service archéologique de l'Irān, Paris, 1936, стр. 37.

⁹ Там же, стр. 35—44, рис. 27—31.

гии этих памятников. Особое внимание этим вопросам уделил В. Л. Котвич.¹ Акад. С. А. Козин дал общую характеристику монгольского письменного языка первого периода его развития, а также исследовал отдельные вопросы монгольского синтаксиса в связи с изучением писем Аргуна² и Ульдзэйту.³

Большой интерес представляет исследование структуры этих памятников — монгольских эпистолярных документов XIII—XIV вв. Еще Абель-Ремюза отметил три формулы в начале письма Аргуна, а также то, что две из них отсутствуют в письме Ульдзэйту. Он обратил внимание также на особое расположение наименований автора и адресата и указал на происхождение этой особенности монгольских официальных документов XIII—XIV вв.⁴ Несколько кратких замечаний по этим же вопросам имеется у Ж.-Б. Шабо.⁵ А. М. Позднеев ограничился повторением сказанного по этому поводу А. Ремюза.⁶ Г. Потье и И. А. Клюкин совсем не уделили внимания особенностям структуры писем иль-ханов. В большом труде Э. Шаванна о китайских надписях и официальных документах монгольской эпохи⁷ встречаются отдельные замечания об инвокативных формулах в этих памятниках. Для сопоставления с ними привлечены инвокация в письме Аргуна — в транскрипции и переводе акад. И. Я. Шмидта, а также некоторые другие монгольские инвокативные формулы.⁸

В связи с опубликованием письма Гуюка (1246 г.) П. Пеллио кратко остановился на вопросах особого расположения некоторых слов и выражений, начальной формуле, дате, печатях и т. п. в тексте монгольских документов XIII—XIV вв.⁹ Этими вопросами занимался и В. Л. Котвич.¹⁰ Особенно подробно он рассмотрел состав начального протокола (*protocole initiale*), в котором его интересовала главным образом начальная формула (*formule initiale*). Рассмотрение особенностей монгольских официальных документов, которое В. Л. Котвич произвел в общей форме и в виде постановки ряда вопросов, представляет все же очень большой интерес ввиду того, что таким путем он впервые наметил структуру монгольских официальных документов XIII—XIV вв.

Специальное исследование В. Л. Котвич посвятил начальным формулам в самых различных монгольских памятниках той эпохи — эдиктах императоров и других лиц, дипломатических письмах, надписях на пайдзах, легендах монет и т. п. Установив классификацию этих формул, он останавливается на вопросах об их возникновении, времени введения их в употребление и т. п. Особенно тщательно рассмотрены им вопросы о происхождении и значении некоторых слов (*suu*, *jalı* и др.).¹¹ Замечания В. Л. Котвича о структуре монгольских официальных документов XIII—XIV вв. были

¹ Wł. Kotwicz. *En marge des lettres...*, стр. 8, 12—29, 35—48.

² С. А. Козин. *Язык первого периода...*, стр. 484—500.

³ Он же. *К вопросу о дешифровании...*, стр. 648—655.

⁴ Abel-Rémusat, *ук. соч.*, стр. 356—369, 392—394.

⁵ J.-B. Chabot *ук. соч.*, стр. 224.

⁶ А. М. Позднеев, *ук. соч.*, стр. 90—92, 103—105, 107.

⁷ Ed. Chavannes. *Inscriptions et pièces de chancellerie chinoise de l'époque mongole*. T'oung Pao, II Série, v. V, стр. 357—417; v. VI, стр. 1—42; v. IX, стр. 297—423.

⁸ Там же, vol. V, стр. 395, сноска 2; стр. 383, сноска 2.

⁹ P. Pelliot, *ук. соч.*, стр. 24.

¹⁰ Wł. Kotwicz. *En marge des lettres...*, стр. 3—8.

¹¹ Wł. Kotwicz. *Formules initiales des documents mongols aux XIIIe et XIVe ss.* *Rocznik Orientalistyczny*, t. X, 1934, стр. 131—157.

в виде схемы изложены акад. С. А. Козиним. Наряду с этим он дал также свою, несколько отличную, схему.¹

При анализе конструктивных элементов и особенностей структуры этих писем оставалась мало изученной формула, встречающаяся в обоих документах.

1. В письме Аргуна она имеет следующий вид:

Tngri-yin Kūcūn Хаҗан-у Суу медетүгеі
„Да ведают Сила Неба и Счастье-Величие Императора!“²

2. В письме Ульдзэйтү имеется ее краткий вариант:

Tngri medetügei „Да ведает Небо!“.

Ещё Абель-Ремюза отметил, что в конце письма Аргуна „снова призываются сила неба и милость хана“,³ что он считал повторением подобного же призывания в начале этого документа.⁴ Однако, говоря о формулах в письме Аргуна, Абель-Ремюза не упоминает об этом вторичном призывании как об особой формуле. Изложение содержания письма Ульдзэйтү он заканчивает словами: „Таким путем будет достигнуто то, что угодно небу“.⁵ Как видно, формула Tngri medetügei в этом письме осталась непонятной для его первого исследователя.

В первом переводе писем иль-ханов акад. И. Я. Шмидт отнес формулу Tngri-yin Kūcūn Хаҗан-у Суу медетүгеі в письме Аргуна к последней фразе деловой части этого документа: ... Basa... соуигжахууі...

Также и формула Tngri medetügei в письме Ульдзэйтү переведена им как относящаяся к последнему предложению деловой части: Edüge... burı-yer deger-e anu ömerin bayıjuıı... Совершенно так же понимали отношение этих формул к предыдущему тексту Г. Потье,⁶ Ж.-Б. Шабо,⁷ А. М. Позднеев⁸ и И. А. Клюкин.⁹

По мнению И. А. Клюкина, оно представляет собою „призывание в свидетельстве при написании ярлыков и писем силы верховного божества, а не то, что они [ханы] силою и властью его полагали писать“,¹⁰ т. е. отнюдь не инвокативную формулу, что находится в полном противоречии с общепризнанным пониманием начальной формулы как инвокации в письме Аргуна и ряде других документов той же эпохи.

¹ С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 499. Схемы этих исследователей были рассмотрены автором настоящей статьи в диссертации „Монгольские документы эпистолярного характера“ (см. Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год. Отд. языка и лит. АН СССР, М. — Л., 1945, стр. 31).

² Так акад. Б. Я. Владимирцов (Общественный строй монголов. М. — Л., 1934, стр. 100, 125, прим. 2, 146, 194) переводит суи, что наиболее полно передает значение этого слова и является самым правильным его переводом. К нему присоединяется акад. В. Л. Котвич, который установил соответствие суи древне-тюркскому qut (sütu — qutlu); см. Wł. K o t w i c z. Formules initiales..., стр. 147; ср. переводы П. Кафарова (ниже, стр. 418, прим. 5).

³ Abel-Rémusat, ук. соч., стр. 371.

⁴ Ср. И. А. К л ю к и н. О чем писал иль-хан Аргун..., стр. 43.

⁵ Abel-Rémusat, ук. соч., стр. 397.

⁶ G. Pauthier, ук. соч., стр. 781.

⁷ J.-B. Chabot, ук. соч., стр. 223.

⁸ А. М. Позднеев (см. ук. соч., стр. 119—123) ограничился изложением перевода акад. И. Я. Шмидта.

⁹ И. А. К л ю к и н. О чем писал иль-хан Аргун..., стр. 41. — Он же. Письмо иль-хана Ульдзэйтү..., стр. 22, 24.

¹⁰ И. А. К л ю к и н. О чем писал иль-хан Аргун..., стр. 1.

Как уже было отмечено, перевод акад. И. Я. Шмидта оказал значительное влияние на перевод В. Л. Котвича. Это видно и в том, что В. Л. Котвич относит эти формулы так же только к последней фразе деловой части писем.¹

Совершенно по-новому рассматриваемый здесь вопрос был поставлен и решен акад. С. А. Козиным. Занимаясь вопросами монгольского синтаксиса, связанными с изучением письма Аргуна, акад. С. А. Козин совершенно правильно отметил, что „*signum accusativi* [в строке 28] в данном случае покрывает собою все предыдущее изложение (да ведает небо о том, что...), т. е. инкорпорирует придаточное дополнительное предложение, состоящее из всего предыдущего текста“ (в обоих случаях подчеркнуто мною, — Л. П.). „Это обстоятельство, — добавляет акад. С. А. Козин, — и поныне очень характерно для монгольского синтаксиса в его всеми отмеченном стремлении к сугубой периодизации речи“.²

Таким образом акад. С. А. Козин пришел к выводу, что „заключительная инвокативная формула...³ как начинается, так равно и заканчивает документ, и в конце письма, при помощи *signum accusativi*, относящегося ко всему письму, призывает те же небесные силы на все дело переговоров (подчеркнуто мною, — Л. П.), а не на случайное упоминание о самоцветах“.

При этом акад. С. А. Козин отмечает, что „в правильности такого именно понимания дела окончательно убеждает меня присутствие такой же инвокации, только в несколько сжатом виде, и в конце письма *Öljeitü-xana*“.⁴

Следствием того, что все авторы, занимавшиеся переводами письма Аргуна, не придавали показателю винительного падежа того большого значения, которое он имеет для правильного понимания всего текста письма, являлись переводы, согласно которым „высшие авторитеты“ („Сила Неба“ и „Счастье-Величие Императора“) призывались лишь на дело о присылке подарков — „дело деликатное столько же, сколь и маловажное“, по удачному выражению акад. С. А. Козина.⁵

Только основываясь на правильном понимании значения показателя винительного падежа, акад. С. А. Козин впервые установил, что призывание „высших сил“ имеет в виду все, весьма важное и серьезное, содержание письма Аргуна — напоминание союзникам об их обязанностях, — которое должно было иметь большое значение для взаимоотношений монголов и франков.

Вместе с тем акад. С. А. Козин показал, что выражение *Tngri-yin Kücün Хауан-у Суу медетүгеі* представляет собою определенную формулу, которая имеет место и значение в структуре документа. В схеме акад. С. А. Козина она указана как п. 5 — „заключительная инвокация“. Кроме того, „начальная инвокация“, (т. е. формула *Möngke Tngri-yin Kücündür Хауан-у Суу-дур*) является п. 1 той же схемы.⁶

В этих пунктах схемы кратко выражено мнение акад. С. А. Козина о том, что в письме имеются две инвокации. В другом месте они названы

¹ Wł. Kotwicz. En marge des lettres... , стр. 12, 35.

² С. А. Козин. Язык первого периода... , стр. 499.

³ По определению акад. С. А. Козина (там же, стр. 498, 499).

⁴ Там же, стр. 498.

⁵ Там же, стр. 497.

⁶ С. А. Козин. Язык первого периода... , стр. 499.

двумя частями инвокационной формулы, между которыми расположен весь текст документа.¹

Однако формула, имеющаяся в начале письма Аргуна, представляет собою пространный вариант монгольской инвокации, который в монгольской, китайской и персидской версиях встречается в нескольких памятниках второй половины XIII в., как указывает В. Л. Котвич.²

Другие виды инвокаций и памятников, в которых они содержатся, рассмотрены в той же работе В. Л. Котвича о начальных формулах в монгольских памятниках XIII—XIV вв.³

Описание инвокативных формул в письмах иль-ханов, посылавшихся мамлюкским султанам Египта, имеются у арабского автора ал-Калкашанди в сочинении о способах составления и формах дипломатических писем.⁴

В отделе, где рассмотрены „Письма, прибывающие [в Египет] от великих ханов из потомков Чингисхана“,⁵ различаются „Дела до вступления их (чингисханидов) в религию ислама“ и „Дела после принятия ими (чингисханидами) мусульманской религии“. В „Делах“ первого рода, по словам арабского автора, он „... не нашел (ничего ни) относительно размера листов бумаги их писем, ни относительно порядка переписки...“. При описании же „Дел“ второго рода он сообщает „о двух способах“ написания писем.

При составлении писем по „первому способу“ письмо начинается с „басмалы“ — мусульманской инвокации [„Во имя Аллаха милостивого, милосердного“], которой отводятся 2 особых строки. За нею следуют формулы: „Силою Аллаха Всевышнего“ (она занимает еще 2 строки) и „Благодатью Кана“ (1 строка). Эти формулы, столь отличные от „басмалы“ и так напоминающие монгольские *Möngke Tngri-yin Kücün-dür* и *Хауан-и Суц-дур*, несомненно, я думаю, восходят к этим монгольским инвокациям.

При „втором способе“ составления писем в начале письма также имеется „басмала“ (в одной строке), а затем формулы: „Силою Аллаха Всевышнего“ и „Благодатями веры мухаммеданской“ (каждой из них отводится по одной строке). Таким образом вся инвокация, следующая за „басмалой“, приобретает вполне мусульманский характер.

При таком, по существу полном, исчезновении монгольских — шаманских — инвокативных формул новая мусульманская инвокация по своей форме все же значительно отличается от „басмалы“ и, несомненно, составлена по образцам монгольских инвокативных формул. Для подтверждения своего описания ал-Калкашанди приводит письма Ахмеда и Газана к султанам Калауну и Мухаммеду ибн-Калауну⁶. Тексты и переводы этих писем⁷ не дают, однако, полного представления об их структуре.⁸

¹ Там же, стр. 484.

² Wł. Kotwicz. *Formules initiales...*, стр. 138.

³ Wł. Kotwicz. *Formules initiales...*, стр. 134—142.

⁴ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды т. I. Извлечение из сочинений арабских. СПб., 1884, стр. 395.

⁵ Там же, стр. 415—416.

⁶ Там же, стр. 416.

⁷ Там же, стр. 416, сн. 1.

⁸ В работах д'Оссона, Гаммера и Г. Вейля содержатся только переводы, по которым нельзя судить о структуре интересующих нас формул. В труде Катрмэра арабский текст и перевод также не воспроизводят числа и расположения строк инвокативных формул, которые описаны у ал-Калкашанди.

В ответных письмах египетских султанов¹ инвокации составлены по образцам invocативных формул в письмах Ахмеда и Газана. Как было показано выше, эти формулы по своей структуре являются монгольскими.²

Инвокация

„Силою Аллаха Всевышнего
Благодатями веры мухаммеданской“,

по своей структуре восходящая к пространной монгольской invocативной формуле, встречается в описании письма Мухаммеда ибн-Калауна — хану Узбеку³ в сочинении ал-Мухибби.⁴

О формах переписки мамлюкских султанов с Абу-Саидом, его везиром, беклярбеком (старшим эмиром), эмирами и нойонами⁵ сообщает ал-Омари.⁶ Еще одна монгольская invocативная формула в сочетании с мусульманской инвокацией содержится в I монгольском фрагменте Тегеранского музея. В работе П. Пеллио даны ее фотокопия (рис. 27), транскрипция:

Mongka t(ä)ngri-yin Kūcūn-dūr
Muhamad baiqambar-un iman-dūr
Yākā suu dǰali-yin ibägä-dūr

и перевод⁷ (который здесь приводится по-русски):

„В силе Вечного неба,
В милости (?)⁸ пророка Мухаммеда
В покровительстве великого Счастья“.

По мнению П. Пеллио, не исключена возможность, что эта инвокация относится к III фрагменту, в котором недостает начала текста, т. е. к эдикту Абу-Саида (1320 г.). Формула Yeke Suu Jali-yin Ibege-dūr имеется в несколько другом виде — Yeke Suu Jali-yin Igegen-dūr в монгольской, китайской и русской версиях в целом ряде памятников⁹ (см. ниже, стр. 419).

Все invocативные формулы, известные по памятникам или по их описаниям, представляют собою одно целое — даже в тех случаях, когда инвокация состоит из двух предложений, — как это имеет место в про-

¹ Quatremère. Histoire des sultans mamloks, t. II, part 1, Paris, 1342, стр. 162—165, 192—199; part 2, 1845, стр. 291—294 и 293—306. — C. d'Osson. Histoire des Mongols, Amsterdam, 1852, t. III, стр. 570—580; t. IV, стр. 295—309. — Hammer-Purgstall. Geschichte der Ilchane, B. I, Darmstadt, 1842, стр. 335—342, — G. Weil. Geschichte der Kalifen, B. IV, Stuttgart, 1830, стр. 244—253.

² Не только инвокация, но и другие элементы начального протокола, например, вводная формула, „... [имя автора]. Слово наше“ (например: „Аргун. Слово наше“), в письмах обоих султанов составлены по монгольскому образцу. Краткое указание на то, что египетский султан в своем ответе Ахмеду старался воспроизвести формуляр письма этого иль-хана, имеется у Абель-Ремюза (ук. соч., стр. 354). Вопрос о воспроизведении в ответном письме форм полученного письма в дипломатической переписке с монголами XIII—XIV вв. представляет большой интерес, но выходит за пределы настоящей статьи. В связи с этим можно указать на сообщение ал-Омари о том, что письма, посылавшиеся из Египта хану Золотой Орды Джанибеку (преемнику хана Узбека), писались по-арабски, но большею частью по-монгольски. При этом названы лица, которым было поручено это дело и в числе их — толмач Аргадак. (В. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 251). Также и ал-Мухибби упоминает о том, что в переписке с Абу-Саидом пользовались арабским и монгольским языками (там же, стр. 341—342).

³ В. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 331.

⁴ Там же, стр. 342.

⁵ Там же, стр. 249—250.

⁶ Там же, стр. 208.

⁷ P. Pelliot, ук. соч., стр. 37.

⁸ Знак вопроса — у П. Пеллио.

⁹ Wł. Kotwicz, ук. с., стр. 135—137.

странных инвокациях, или же когда она изложена в нескольких строках, например, в письмах Ахмеда и Газана и в ответных письмах египетских султанов. Все эти инвокации не имеют второй — заключительной — части. Другими словами, нам не известны памятники, текст которых расположен между двумя частями инвокационной формулы: одной в начале текста, а другой — в конце его.

Поэтому трудно допустить, что инвокативная формула в письме Аргуна состоит из двух частей, из которых первая является „начальной инвокацией“, а вторая — „заключительной инвокацией.“

Из рассмотрения этих памятников и описаний их структуры можно видеть, что инвокативная формула — в соответствии с ее особым характером и назначением — во всех случаях располагается в начале текста. На этом основании различные типы инвокаций В. А. Котвичем были обозначены общим наименованием „начальных формул“. Формулы же, завершающие текст монгольских официальных документов XIII—XIV вв., имеют особый характер и назначение. Так, например, заключительные формулы в эдиктах Мангала 1276 г., Буянту-хана 1314 г., его же 1314 г. (другому лицу) и вдовы Дармабала 1321 г. имеют целью устрашить тех, кто, ссылаясь на дарованный эдикт, будет допускать злоупотребления. Такова, например, формула в конце первого из названных эдиктов: „Разве они не убоятся, когда будут их совершать“. Подобными формулами заканчиваются и остальные эдикты.¹ Предупреждение возможным нарушителям законов имеется также в указе Ульдзэй-Тэмуря 1408 г.² Надписи на пайдзах (Минусинской, Нюкской и Боготольской) при всей их краткости содержат предупреждение и угрозу. Устрашающий характер заключительных формул монгольских эдиктов в общей форме был отмечен П. Пеллио при рассмотрении легенды на печати в письме Гуюка.³ Эти формулы, еще подробно не изученные, предварительно можно назвать формулами устрашения.

То, что инвокативные формулы монгольских официальных документов расположены в начале текста показывает, что формула *Tngri... medetgüei* (как пространная, так и краткая) не представляет собою заключительной инвокации. Все эти соображения свидетельствуют о том, что рассматриваемая формула вообще не является инвокацией в том смысле, в каком этот термин принят в дипломатике.

Для того, чтобы определить значение формулы *Tngri... medetgüei*, следует сопоставить ее с формулой *Möngke Tngri-yin Kücün-dür Хаҗан-и Суу-дур*. С этой целью необходимо проследить возникновение, а затем установить содержание и назначение обеих формул.

В заключительной формуле, как и в инвокации, в письме Аргуна названы *Tngri-yin Kücün* — „Сила Неба“ и *Хаҗан-и Суу* — „Счастье-Величие

¹ Тр. Инст. Востоков. АН СССР, т. XXI, М.-Л., 1941, стр. 61, 65, 69, 73.

² G. J. Ramstedt. *Mongolische Briefe aus Idikut-Schähri bei Turfan. Sitzungsberichte der königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1909, XXXII, стр. 224, табл. VI.

Выражение *ülü ayıxun aldaхun* Г. И. Рамстедт переводит: „[Разве] вы не боитесь быть убитыми?“. Однако, как можно видеть из перевода надписи на пайдзе Абдулаахана (Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи Д. Банзарова, СПб., 1391, стр. 52), *aldaхu* ~ *aldaхun* является формой будущего времени глагола *aldaхu* 'упускать', 'ошибаться', 'совершать проступок', а не формой страдательного залога от *алахu* 'убивать'. Поэтому *ülü ayıxun aldaхun* следует перевести: „[Кто] не будет бояться [указа] совершит проступок“ ~ „будет виновен“.

³ P. Pelliot, ук. соч. стр. 24.

Императора“, что уже привлекало внимание исследователей (Абель-Ремюза, И. А. Ключин).

Повидимому, это сходство и побудило предполагать, что формула *Tngri-yin Kücün Хауан-и Суу медетүгеі* является повторением начальной формулы и в дальнейшем привело к мнению, что она представляет собою вторую часть инвокации или же заключительную инвокацию.

Действительно, как в одной, так и в другой формуле в качестве „высших авторитетов“ названы „Сила Неба“ и „Счастье-Величие Императора“. Однако назначение и роль их в обоих формулах не одинаковы. Занимаясь исследованием вопроса о происхождении монгольских инвокативных формул, В. Л. Котвич и акад. С. А. Козин показали, что в этих формулах выражены представления монголов XIII—XIV вв. о „Силе Вечного Неба“ и „Счастьи-Величии Императора“. Ими же были подробно исследованы вопросы о происхождении и развитии представлений о *tngri* и *suu*.¹

При рассмотрении вопроса о времени введения в употребление инвокативных формул В. Л. Котвич в общей форме упомянул о том, что в „Сокровенном сказании“ имеются довольно многочисленные выражения, соответствующие начальным формулам.² Необходимо добавить, что там же имеются выражения, которые соответствуют формуле *Tngri... medetügei*.

Данные „Сокровенного сказания“ — памятника, по выражению акад. Б. Я. Владимирцова, „так образно и детально рисующего подлинную жизнь“³ — представляют особую ценность для выяснения вопроса о формуле *Möngke Tngri-yin Kücün-dür Хауан-и Суу-дур*.

Самая древняя и вместе с тем наиболее часто встречающаяся формула *Möngke Tngri-yin Kücündür*, впервые засвидетельствованная в письме Гуюка (1246 г.), имеет свой прототип в одном выражении повеления Чингис-хана об учреждении гвардии (1206 г.): *Edeo Muñke Tevkeri-yin Kücün-tur Tevkeri Qajar-a kücü aоqа nemeздеју...“*⁴ „Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей“⁵ [„Ныне, когда Силою Вечного Неба [мои] силы Небом умножены на земле...“]⁶ Кроме приведенного здесь свидетельства „Сокровенного сказания“, можно указать также на сообщение „Сборника летописей“ о том, что Чингис-хан, посылая своих полководцев для преследования хорезмшаха, приказал: „... Идите следом за Султаном Мухаммедом Харезм-Шахом... Силою Бога Великого [Неба] пока не возьмете его в руки, не возвращайтесь...“ Приказ заканчивается словами „Силою Великого Бога [Неба] столько этих дел учинено нами; по возвращении домой, таковая же судьба будет“.⁷

¹ Этими вопросами занимались Абель-Ремюза, акад. И. Я. Шмидт, Д. Банзаров, В. Григорьев, П. Кафаров, А. М. Позднеев, акад. Б. Я. Владимирцов, Э. Шаванн, П. Пеллио и другие исследователи.

² Wł. Kotwicz, *Formules initiales...*, стр. 123.

³ Б. Я. Владимирцов, *ук. соч.*, стр. 8.

⁴ С. А. Козин, *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongγol-un niγuca tobčiγan, Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник, т. I, М. — Л., 1941, стр. 287, § 224.*

⁵ Там же, стр. 168. Ср. перевод П. Кафарова из Юань чао би ши: „Ныне, когда небо повело мне править всеми народами...“, „Старинное монгольское сказание о Чингис-хане“. *Тр. чл. Росс. Дух. Миссии в Пекине, т. IV, стр. 125.*

⁶ В квадратных скобках здесь и в дальнейшем мною предложен более точный перевод.

⁷ Труды ВОРАО, т. XV, стр. 50—61.

Для того, чтобы отметить участие и роль „Вечного Неба“ в событиях и в действиях людей, имеющих большое значение, Чингис-хан и его сподвижники пользовались также и несколько иными выражениями.

В повелении Чингис-хана Субэгэдэю о преследовании сыновей Тохтоа („Сокровенное сказание“, § 199) встречается фраза

... Muḡke Teḡkeri-de
 Kūčü auqa nemegeḡjü,
 Toḡtoa-in koudi
 Qar-turiyan orouluvasu...¹
 ... „Если же Вечное Синее Небо,
 Силу и мощь вам умножа,
 В руки предаст вам сынов Тохтоа...“²

Далее (там же, § 260) сообщается, что стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган говорили Чингис-хану перед походом на Халибо-Солтана: „... dain-irkeni ba Teḡkeri Qajar-a küčü nemegeḡjü altan-munku, auḡsun-tabar, irken-orqan Cimada abḡirasuḡjai³ „... мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами и людей с жилищами их“⁴ [Когда Небо умножит [наши] силы на земле мы доставим тебе...“].

Такое же выражение имеется в докладе Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху — Чингис-хану.⁵

См. также выражение Muḡke Teḡkeri-de küčü nemegeḡjü⁶ в словах Чингис-хана по случаю казни Илуху-Бурхана — „Вечное Небо умножило мои силы...“⁷ [„Мои силы умножены Вечным Небом“].

Кроме того, для выражения помощи и других видов покровительства со стороны „Вечного Неба“ в судьбах Чингис-хана и его сподвижников, употреблялись глаголы iḡeekü ‘хранить’ (нов. монг. iḡegekü), а также iḡeekdekü ‘быть ‘хранимым’ Teḡkeri-ku iḡeeba ḡel⁸ „Само Небо хранило его“ [Джэльдэ].⁹

Повеление Чингис-хана Субэгэдэю (см. выше) заканчивалось словами

Deere Teḡkeri-de ber
 iḡeekdemui ḡe ta¹⁰
 „Помощь придет к вам с небесных высот!“¹¹
 [„Вы будете хранимы Вышним Небом“].

¹ С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 272;

² Там же, стр. 153. „Тогда Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в руки ваши Тогтагеевых сыновей“ (там же, стр. 154). Ср. перевод П. Кафарова: „Если покровительством и помощью Неба поймашь детей Тохтоа“ ... (ук. соч., стр. 111).

³ С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 303. Ср. подобное выражение в том же параграфе.

⁴ Там же, стр. 188. Ср. перевод П. Кафарова: „... если Небо поможет нам и мы победим врагов, то золото, серебро, ткани, все принесем тебе“ (ук. соч., стр. 148).

⁵ С. А. Козин, ук. соч., стр. 308, § 260 (текст); стр. 183 (перевод); ср. пер. П. Кафарова (ук. соч., стр. 148).

⁶ С. А. Козин, ук. соч., стр. 311, § 267.

⁷ Там же, стр. 191; ср. пер. П. Кафарова (ук. соч., стр. 152).

⁸ С. А. Козин, ук. соч., стр. 233, § 145.

⁹ Там же, стр. 118. В пер. П. Кафарова (ук. соч., стр. 71) это выражение отсутствует.

¹⁰ С. А. Козин, ук. соч., стр. 272, § 199.

¹¹ Там же, стр. 153; ср. „... Вечное Небо будет вам покровительствовать...“ (стр. 154); ср. пер. П. Кафарова: „В пути небо, конечно, сохранит тебя и поможет тебе.“ (ук. соч., стр. 112). Подобные выражения имеются еще в §§ 187, 203, 206, 203, 240, 265 „Сокровенного ‘сказания’“.

Приведенные примеры показывают, что такого рода выражениями пользовались в тех случаях, когда речь шла о весьма важных и значительных событиях или действиях, которые происходили или совершались благодаря „содействию“, „помощи“, „покровительству“ или другим видам „участия“ особой, „высшей“ силы — „Силы Вечного Неба“. Эта сила указывалась как источник могущества, власти, успеха даже самого Чингис-хана.

Из всех рассмотренных выражений одно — *Tngri-yin Küčün-dür* — наиболее полно и совершенно выражало воззрения монголов той эпохи на значение и роль „Вечного Неба“ в жизни главы государства, его сподвижников и отдельных людей.

Этим выражением пользовались как в устной речи, так и повелениях (напр. об учреждении гвардии), которые, возможно, были облечены в письменную форму. Выражение это имело преимущество перед другими выражениями благодаря краткости и четкости, с которой в нем была сформулирована основная суть монгольского шаманизма — „концепция о Небе, как об извечной силе, лежащей в основе материи“.¹ Те же качества делали это выражение наиболее удобным для „обоснования“ феодальной (вполне земной) власти земных „представителей“ „Вечного Неба“ путем ссылки на „силы небесные“. Частое и постоянное пользование этим выражением сделали его традиционным, а потребности развивающегося и укрепляющегося феодализма и его государственного аппарата превратили это выражение в инвокативную формулу, которая встречается наиболее часто.

В кратком, первоначальном виде она существовала как самостоятельная формула и впервые встречается, как заметил В. Л. Котвич, в письме Гююка. Более правильным будет считать, что этот документ является первым дошедшим до нас памятником, в котором содержится эта формула. Исключительно большое — решающее — значение, которое монголы XIII—XIV вв. придавали „Силе Вечного Неба“, видно и из того, что формула *Möngke Tngri-yin Küčün-dür* занимала первое место в двух пространственных инвокациях:

1) ~ *Xaγan-u Suu-dur*

„Силою Вечного Неба, Счастьем-Величием Императора“²

2) ~ *Yeke Suu-ǰali-yin lgegen-dür*

„Силою Вечного Неба, Покровительством Великого Могущества“,³

о которых будет сказано ниже.

В „Сокровенном сказании“ сообщается также о донесении, которое Бату послал Угэдэю из кипчакского похода 1238 г. В нем имеется фраза *Muŋke Teŋkegi-in Küčün-tur Qaǰan-abaqa-in su-tur Meket balaqasun ebdeju*.⁴

„Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мерет...“⁵

¹ Акад. С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 482.

² По классификации В. Л. Котвича — III формула. *Wł. Kotwicz. Formules initiales.*, стр. 133—139.

³ По той же классификации — II формула (там же стр. 135—136).

⁴ Акад. С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 315.

⁵ Там же, стр. 194. Ср. перевод соответствующего места в „Юань чао би ши“: „Силою Вечного Неба и счастьем царя-дяди народы всех одиннадцати государств покорены“ (П. Кафаров, ук. соч., стр. 156—157) со ссылкой на примеч. 675 (стр. 256) — *фу-инь* покровением счастья; ср.,..., таинственным покровительством великого счастья“. (Он же. Старинные следы христианства в Китае. Восточный сборник, СПб., 1877 стр. 29).

Как видно из этого текста, Бату „обосновывал“ свою силу, могущество и т. п. путем ссылки не только на „Силу Вечного неба“, но и на „Счастье-Величие Императора“: в качестве источника своей власти вассал указывал на „силы небесные“, а также на „силы земные“ — „Счастье-Величие“ сюзерена.

Это выражение несомненно является прототипом пространной invocативной формулы *Möngke Tngri-yin Küčün-dür хауан-п Суу-дур*, которая служила для обоснования власти вассалов — правителей отдельных областей империи, находившихся на различных степенях зависимости от сюзерена-императора и пользовавшихся большей или меньшей самостоятельностью. Например, Аргун (в письме 1289 г.), Мангала (в эдикте 1276 г.) и другие лица¹ при помощи пространной invocации выражали свое отношение к императору.

Выражения, в которых значение и роль „Вечного Неба“ передавались при помощи глаголов *iheekü* и *iheekdekü*, возможно послужили прототипами или же оказали более или менее значительное влияние на образование формулы *Yeke Suu jali-yin Igegen-dür*, которая отдельно не употреблялась, а составляла часть пространной invocации *Möngke Tngri-yin Küčün-dür, Yeke Suu jali-yin Igegen-dür* „Силою Вечного Неба, Покровительством Великого Могущества“. В несколько измененном виде эта формула имеется в I монгольском фрагменте Тегеранского музея (эдикте Абу-Саида?) в составе композиции (в равной мере интересной и для монголоведа и для тюрколога)

*Mongka t(ä)ngrī-yin Küčün-dür
Muhamad baiqambar-un iman-dur
Yäkä suu djali-yin ibägä-dür*

(см. выше, стр. 403).

Остается заметить, что каких-либо формул, в которых в той или иной степени проявилось влияние выражений *Tngri küčü nemegdeju* и т. п., не встречается. Эти выражения, повидимому, являлись более применимыми в том или ином случае для указания на значение и роль „Неба“, но не были столь обобщающими и не указывали так выразительно и определенно на „небесный“ источник земной власти, как выражение *Möngke Tngri-yin Küčün-dür*. Поэтому выражение *Tngri küčü nemegdeju* и подобные ему и не получили в дальнейшем общего применения в виде invocативных формул.

Применение invocаций в монгольских официальных документах XIII—XIV вв. показывает, что они служили прежде всего для обоснования власти лиц, от имени которых эти документы исходили. Императоры обосновывали свою власть „Силою Вечного Неба“, а их вассалы — правители уделов еще и „Счастьем-Величием Императора“.

Для выяснения вопроса о происхождении формулы *Tngri... medetügei* в ее пространном и кратком вариантах следует обратиться к тому же „Сокровенному сказанию“. В нем сообщается, например, что когда четыре богатыря-кулока, посланные Чингис-ханом, спасли от найманов народ Ван-хана, последний горячо благодарил Чингис-хана и закончил свою речь словами *Наси qariulqu-i Тенкери Qajar-un iheel medetukai*² „Да помогут же мне Небо и Земля воздать ему долг моей благодарности“.³

¹ Wł. Kotwicz, *Formules initiales*, ..., стр. 138—139.

² С. А. Козин, *Сокровенное сказание*..., стр. 247.

³ Там же, стр. 126, § 163.

При переводе этого выражения следует руководствоваться указанием акад. С. А. Козина о том, что „*me:de* — дает ряд параллельных значений по линиям: 'знать' — 'ведать' (в смысле управлять, волеизъявлять)“.¹ И в данном случае *medeki* имеет значение 'ведать', 'ведать чем-либо', 'иметь волю над чем-либо или в чем-либо', 'иметь попечение', 'определять', 'решать' и т. п.

Необходимо принять во внимание и шаманское мировоззрение монголов XIII—XIV вв., основная суть которого заключалась в признании изначальной творческой „Силы Неба“.² Значение, которое „Вечное Небо“ по воззрениям монголов той эпохи имело в их жизни и действиях, несомненно признавалось и в этом случае.

Поэтому слова Ван-хана должны быть переведены следующим образом: „Да будет воля Покровительства Неба и Земли на то, что [~ в том, что] я воздам благодарность за оказанное благодеяние“.

Как видно из предыдущего текста,³ Ван-хан хотел выразить Чингис-хану благодарность, соответствующую исключительно большой помощи, оказанной ему. Ввиду особого значения и важности, которые Ван-хан придавал выражению своей благодарности, он ставил осуществление ее в зависимость от ведения воли „Покровительства Неба и Земли“, подобно тому как в особых случаях, приведенных выше, большие и важные события и действия „основывались“ на различных видах „участия“ в них „Силы Вечного Неба“.

Вместе с тем обращение к „высшим авторитетам“ является призыванием их в свидетели серьезности и искренности намерений Ван-хана выразить особую благодарность Чингис-хану. Это призывание, сделанное Ван-ханом для подтверждения обещания достойным образом отблагодарить своего спасителя, приобретает характер и значение клятвы.⁴

В другом случае Чингис-хан в пространной речи напоминает Ван-хану об их прежних хороших отношениях и приводит слова, некогда сказанные Ван-ханом отцу Чингис-хана — Иесугай-хану (в связи с тем, что последний спас народ Ван-хана из рук Гур-хана):

Ene tusa-yün čino hači uguzun uguqa čino hači qariulqa-i Deere Teŋkeri Qajar-un lheel medetukai.⁵

„Да помогут мне Всевышнее Небо и Земля воздать благодеянием за твое благодеяние, воздать сынам твоим и сынам сынов их“⁶ [„Да будет воля Покровительства Высокого Неба и Земли на то, что (~ в том, что) я воздам благодарность потомкам твоих потомков за благодеяние, которое ты оказал мне этой твоей помощью.“].

Таким образом выполнение своего обещания — воздать благодарность „потомкам потомков“ за оказанное ранее благодеяние — Ван-хан представляет на усмотрение „высшей воли“, которую он вместе с тем призывает

¹ Он же. Язык первого периода. . . , стр. 499. Ср. E. Haenisch. Wörterbuch zu Manghol un Niisa Tobca an. Leipzig, 1939, стр. 103.

² С. А. Козин. Язык первого периода. . . , стр. 482.

³ Он же. Сокровенное сказание, § 103.

⁴ В подтверждение такого понимания слов Ван-хана можно указать на перевод П. Кафарова: „Клянусь покровительством и помощью неба, что я постараюсь отплатить за такие благодеяния!“ (ук. соч., стр. 82). В примечании поясняется: „Ху цзу чжи е чжэ: да ведает покровительство и помщю; да ведает — монголизм (курсив мой — Л. П.) в смысле *клянусь*“ (курсив П. Кафарова; там же, стр. 203, прим. 275).

⁵ С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 255, § 177.

⁶ Там же, стр. 135. Ср. пер. соответствующего места из „Юань чао би ши“ у П. Кафарова „... За такое благодеяние твое я отплачу твоим детям и внукам; клянусь в том небом“ (ук. соч., стр. 92).

в свидетели. Тем самым Ван-хан торжественно подтверждает данное им обещание.

Выражение еще более близкое к изучаемой формуле можно также найти в „Сокровенном сказании“ (§ 265). Выразив свой гнев и возмущение ответом Аши-Гамбу и объявляя о своем решении итти войною на тангутов, Чингис-хан в заключение воскликнул: *Muŋke Teŋkeri, Si mede!*¹ „Да будет воля Вечного Неба“² [„Ведай [этим] ты, о Вечное Небо“] ~ [„Да будет [на это] твоя воля, о Вечное Небо!“]. Осуществление большого дела, каким является война с тангутами, Чингис-хан предоставляет воле „высшей силы“ и этими же словами разгневанный Чингис-хан призывает „силы небесные“ в свидетели для подтверждения серьезности своего намерения совершить поход и клянется отомстить Аши-Гамбу.

Выражение наиболее близкое к изучаемой формуле содержится в том же памятнике (§ 172), в сообщении о том, что на другой день после сражения с Ван-ханом Чингис-хан увидел подъезжавшего к нему человека. Узнав в нем Боорчу, которого он считал погибшим, Чингис-хан обнажил грудь свою и воскликнул *Muŋke Teŋkeri medetukai!*³ „О, Вечное Небо, твоя воля!“⁴

Из описания этого события и приведенных слов видно, что спасение Боорчу могло произойти по представлениям Чингис-хана только по воле „Вечного Неба“ и благодаря ему. Поэтому Чингис-хан выразил свою полную покорность „высшей воле“ и вместе с тем призвал „Вечное Небо“ в свидетели глубины и искренности своей радости и благодарности, в знак чего он обнажил свою грудь.⁵

В приведенных примерах показаны обращения к „Покровительству Неба и Земли“ и к „Вечному Небу“, в которых возникновение и течение важных событий, а также осуществление особо значительных действий отдельных лиц (в том числе и самого Чингис-хана) предоставлялось ведению, воле, определению или решению „высших авторитетов“ — „небесных сил“. Тем самым в таких обращениях выражалась зависимость больших и серьезных событий или поступков от этих „авторитетов“ и „сил“, покорность и подчинение им.

Вместе с тем в этих выражениях те же „авторитеты“ и „силы“ призывались для торжественного подтверждения серьезности и твердости принятых решений, а также глубины и искренности выраженных намерений и чувств. Поэтому такие торжественные выражения имели значение клятв.

Из нескольких выражений, в которых „Вечное Небо“ признавалось источником силы, власти, могущества, одно—*Möngke Tŋgri-yin Küčün-dür* — с течением времени превратилось в invocативную формулу. Так же и одно из нескольких обращений к „Покровительству Неба и Земли“ и „Вечному Небу“, более полно, чем другие, выражающее значение и роль „высшего авторитета“ и вместе с тем наиболее обобщающее и чеканное — выраже-

¹ С. А. Козин, ук. соч., стр. 310.

² Там же, стр. 190. Ср. пер. П. Кафарова: „Умру, но потребую, у него [Бурхана] отчета; клянусь в том Вечным Небом!“ (ук. соч., стр. 150).

³ С. А. Козин, ук. соч., стр. 252.

⁴ Там же, стр. 132; ср. стр. 132, прим. 1: „Да будет воля Вечного Неба!“. Ср. у П. Кафарова: „... Чингис-хан, ударив себя в грудь, воскликнул к небу «Ol!»“ (ук. соч., стр. 89); ср. „Ba!“ восклицание; собственно значит: „Кончено!“ [?] (там же, стр. 206, прим. 300). Ср. E. Haenisch. Wörterbuch zu Manghol un Niuča Tobča'an. Leipzig, 1939, стр. 103.

⁵ Ср. С. А. Козин, ук. соч., § 103.

ние Tngri... medetügei, в дальнейшем стало определенной формулой, получившей применение в официальных документах.

Формула Möngke Tngri-yin Kü'ün-dür при дальнейшем развитии феодализма путем прибавления слов Хаҗан-и Суу-дур стала выражать взаимоотношения вассала и сюзерена. В соответствии с развитием этого процесса подверглась изменению также и формула Tngri medetügei.

Весьма ценное указание по этому вопросу имеется в „Сборнике летописей“ Рашид-ад-дина, которому „удалось дать замечательную по своим подробностям картину кочевого быта монгольских племен“.¹ Персидский историк приводит донесение, которое Джэбэ и Субэгэдэй послали Чингис-хану. Сообщая о смерти хорезмшаха Мухаммеда и других событиях, полководцы Чингис-хана заканчивают свое донесение словами: „Мы... можем притти к сроку, назначенному повелением указа, через Кыпчакский Дербенд в сторону Могулистанскую, о чем ведает могущество великого бога и благополучие Чингис-хана“.²

Это сообщение Рашид-ад-дина было отмечено В. Л. Котвичем в его работе о монгольских начальных формулах, как одно из первых указаний на время введения этих формул в употребление в монгольских официальных документах, причем В. Л. Котвич заметил, что слова „могущество великого бога и благополучие Чингис-хана“ „составляют в точности текст одной из наиболее распространенных формул“.³

Ввиду того, что В. Л. Котвич в этой работе занимается рассмотрением только инвокативных формул, несомненно, что и в данном случае он имеет в виду одну из монгольских инвокаций.

К такому заключению В. Л. Котвича, надо полагать, привело то, что полководцы Чингис-хана призывали „могущество великого бога“ и „благополучие“ Чингис-хана подобно тому, как это имеет место в одной из инвокативных формул (формуле III по классификации В. Л. Котвича).⁴

Все же то, что слова, которыми заканчивается донесение монгольских полководцев, не вполне точно соответствуют тексту (III) инвокативной формулы, повидимому, побудило В. Л. Котвича выразить сомнение в том, что Рашид-ад-дин имел в своем распоряжении точную копию донесения Джэбэ и Субэгэдэя, и вместе с тем высказать предположение, что персидский историк сам дополнил это донесение в соответствии с позднейшей практикой монгольских канцелярий.⁵

Однако В. Л. Котвич не приводит полностью слов Джэбэ и Субэгэдэя в русском переводе И. Н. Березина, которым он пользовался.⁶ Более подробное рассмотрение этого перевода дает возможность установить следующие соответствия русского текста монгольским значениям слов полководцев Чингис-хана: 1) „о чем ведает“—[Да будет воля]— medetügei; 2) „могущество“—Kü'ün; 3) „великого бога“—Tngri-yin; 4) „благополучие“—Suu („Счастье-Величие“, согласно акад. Б. Я. Владимирцову); 5) „Чингис-хана“ Хаҗан-и. Относительно последних слов следует заметить, что, как известно, в инвокативных формулах

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 6.

² Труды ВОРАО, т. XV, стр. 89.

³ W. Kotwicz, Formules initiales..., стр. 132.

⁴ Там же, стр. 138—139.

⁵ Там же, стр. 132.

⁶ Ср. „фу-инь“ в переводах П. Кафарова (см. выше, стр. 418, сн. 5).

личное имя императора не указывалось, а помещался только его титул.¹ Это же правило применялось и в формуле *Tngri medetügei*, о чем свидетельствуют употребление в данном случае титула „Чингис-хан“, а также вторая фраза той же формулы в письме Аргуна 1289 г. *Хаҗан-и Суу медетүгеи*.

Перевод И. Н. Березина (а следовательно и Рашид-ад-дина) является настолько точным, что в нем без труда можно видеть передачу монгольской формулы *Tngri-yin Kūcün Хаҗан-и Суу медетүгеи*, которая имеет не инвокативный, а совершенно иной характер и назначение.

Эта формула в ее кратком варианте восходит к выражениям, которыми пользовались Чингис-хан и его сподвижники, как об этом свидетельствует „Сокровенное сказание“. Поэтому представляется весьма вероятным, что и ее пространный вариант *Tngri-yin Kūcün Хаҗан-и Суу медетүгеи* встречался и в тех письменных источниках — книгах и свертках монгольских летописей,² которыми пользовался Рашид-ад-дин и одну из которых — „Алтан дептер“³ он даже называет.

Весьма вероятно также, что при переводе их на персидский язык Рашид-ад-дину оказали помощь те лица, „знающие древний монгольский язык“, которые были к нему приставлены.⁴ Поэтому можно полагать, что персидскому историку не было надобности самому составлять эти слова по позднейшим образцам монгольского феодального делопроизводства. Напротив, имея возможность пользоваться теми монгольскими источниками, которых мы лишены, персидский историк представил нам весьма ценное свидетельство о том, что еще во времена Чингис-хана при особенно важных и значительных обстоятельствах пользовались формулой *Tngri-yin Kūcün Хаҗан-и Суу медетүгеи* с теми целями, которые были указаны выше. При этом обращались не только к „Вечному Небу“, но и к его „представителю“ на земле — императору. Таким путем вассал выражал свое отношение к сюзерену.

О пользовании подобной формулой сообщается в Эрдэнийн Тобчи — труде Санан-Сэцэна (1662 г.), где повествуется⁵ о том, что перед сражением (1454 г.) между Молан [~ Молон]-хаганом и его вассалом Мулухай [~ Мулихай ~ Магулихай]-онгом последний совершил жертвенное кропление небу и государю (ејен), т. е. Чингис-хану, и воскликнул: *Degere Mōngke Tngri ċi mede, ded anu Eјen Boyda ċi medel..* „В вышних — ведай ты, Вечное Небо, а затем ведай ты, Эдзэн-Богда...“. В этих и дальнейших словах Мулухай-онга разрешение конфликта между ним и его сюзереном Молан-хаганом, потомком „золотого рода“ (*altan uruq*), представлялось на усмотрение „Вечного Неба“ и „Эдзэн-Богда“ — осно-

¹ Только в инвокативных формулах китайских версий эдиктов Хайду и Хубилая 1257 и 1258 гг. (*Toung Pao*, II Série, t. V, стр. 388 и t. IX, стр. 368—369), а также в легенде (по-персидски) одной монеты, указанной В. Л. Котвичем (*Formules initiales...*, стр. 138) названо имя Мункэ-хана. Для обозначения автора документа также указывалось не личное имя (императора или лица, от которого документ исходил), а его титул. Исключения — ярлыки ханов Золотой Орды — указаны В. Л. Котвичем (там же, стр. 142).

² Труды ВОРАО, т. XV, стр. 101. Ср. „В некоторых списках монгольских летописей...“ (там же, т. V, стр. 183).

³ Там же, т. V, стр. 183.

⁴ Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-гази, хивинского хана. Пер. и пред. Г. С. Саблукова с пред. и прим. Н. Катанова, Казань, 1906, стр. 32.

⁵ Рукопись Комитета наук МНР, л. 60-а (фотокопия ИВ АНФ. В. 60). Ср. I. J. Schmidt. *Geschichte der Ost-Mongolen...* St.-Petersburg, 1829, стр. 172—173, а также „Алтан Тобчи“ Лубсан-Дандзана. Рукопись Комитета наук МНР, лл. 153в — 154а; (фотокопия ИВ АН Ф. В. 65).

вателя этого рода, т. е. Чингис-хана. Как видно, еще и в середине XV в. для одного из вассалов монгольского хагана „высшими авторитетами“ являлись „Вечное Небо“ и „Эдээн-Богда“.

Для того, чтобы определить характер и значение формулы Tngri ...medetügei в письме Аргуна, необходимо рассмотреть ее в контексте второй половины деловой части этого документа.

1) *Ali bar kelen aman...* В комментариях к своему переводу письма Аргуна В. Л. Котвич решительно возражает против перевода этих слов, данного акад. И. Шмидтом: „послы различных народов и языков“, правильно заметив, что „для монголов было совершенно безразлично, кто прибудет к ним в качестве посланца с подарками“.¹ Далее В. Л. Котвич сопоставляет выражение *ali bar kelen aman* со словами *ali bar üges* в письме Ульдэйтү и на основании их сходства приходит к заключению, что *ali bar kelen aman ilčin* следует понимать как „послы с различными известиями“ или, строго говоря, „какой бы то ни было посол, с известиями“.² Вместе с тем, В. Л. Котвич полагает, что в XIII в. „вполне мог существовать специальный термин для обозначения послов, которым поручали передачу известий“.³ Однако на наличие такого рода послов не имеется никаких указаний ни в монгольских источниках, ни в трудах таких авторов, как Рашид-ад-дин, Плано Карпини, В. Рубрук, Марко Поло и др. Самая же надобность в них представляется сомнительной. Такие послы могли быть нужны при развитых дипломатических сношениях в новейшее время, но не в XIII—XIV вв. Поэтому предположение В. Л. Котвича представляется мало вероятным. К такому предположению В. Л. Котвич пришел, повидимому, на основании того, что слова *ali bar kelen aman* он считал определением к *ilčin* и соответственно этому переводил „послы с различными известиями“⁴ — „посол с различными известиями“.⁵ Такому решению в большой степени способствовало то, что в транскрипции текста письма, а также и в переводе им был опущен показатель орудного падежа *iyeg*.⁶ Однако он-то и вносит полную ясность в понимание этого места. В действительности слова *ali bar kelen aman* „различные известия“ являются прямым дополнением к *jigür-e aγulyan* — сказуемому этого дополнительного предложения. Показатель винительного падежа при этом дополнении опущен, что очень часто наблюдается в монгольских текстах как старого, так и нового монгольского письменного языка. В данном случае показатель винительного падежа опущен по той причине, что за прямым дополнением непосредственно следует:

2) Косвенное дополнение *ilčin-iyeg-iyen* „через своих послов“.

3) Оба дополнения относятся к сказуемому *jis ir-e aγulyan*, перевод которого представлял наиболее значительные затруднения.

Из всех объяснений этого выражения особого внимания заслуживает предложенное А. К. Богдановым.⁷ Отметив, что дословный перевод *jigür-e aγulyan* „вкладывая в крыло“ ничего не объясняет, он указывает факты,

¹ Wł. Kotwicz. En marge des lettres... стр. 27

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ Что впоследствии было им отмечено, см. Wł. Kotwicz. Quelques mots encere sur les lettres il-khans... стр. 8, прим. 1.

⁷ А. К. Богданов, ук. соч., стр. 237—240.

которые „проливают некоторый свет на уяснение содержания того понятия, которое выражалось этими словами“¹.

Одним из них является то, что „не так давно у бурят, при отправлении спешного извещения, к сургучной печати конверта прикреплялось перо птицы“ для указания на необходимость возможно более спешной доставки письма. Кроме того, „в Монголии — и, насколько известно, до самого последнего времени — на письмах срочного характера рисовалось изображение птицы“². Эти явления А. К. Богданов правильно считает „отголоском эпохи великого монгольского государства, когда монголы имели идеально — для своего времени — поставленный аппарат связи и спешных доставлений“. В связи с этим указанием А. К. Богданов отмечает еще изображение кречета на металлической пластинке, дававшей право передвигаться с наибольшей быстротой.³ Все эти факты, заключает А. К. Богданов, говорят о том, что „перо и изображение птицы были символами быстроты передвижения“⁴.

Указание на такой способ пересылки известий имеется в „Алтан-Тобчи“ — сочинении Лубсан Дандзана (XVII в.), которое содержит почти полностью „Сокровенное сказание“, как отметил акад. С. А. Козин,⁵ а также в ряде других произведений, восходящих к первой половине XIII в.⁶ В нем приведено (л. 120b) наставление Чингис-хана Мункэту-батору (при выделении последнему удела), которое заканчивается словами — *Хоулап-үси kilinča-yin jīgür-e ilegel!*

Это выражение было отмечено в работе „Монгольские летописи XVII в.“, где оно переведено „Обратно посылай весть на крыльях“.⁷ Все же слова *kilinča-yin* остаются неясными, что было замечено там же.⁸

Такое же обыкновение существует и в настоящее время у долган — населения Хатанского района Таймырского национального округа Красноярского края. Снабженное пером — символом быстроты — письмо следует с наибольшей скоростью. О таком письме говорят: „көтөр курдук көтөр судук“ „письмо, которое летит как птица“ [„письмо, вроде летящей птицы“].⁹

На основании сказанного можно полагать, что выражение *jīgür-e ачуулан* имело в виду спешность (ср. русское „как на крыльях“).

Все же А. К. Богданов не дает перевода всей фразы и ограничивается общим выводом о том, что „Аргун, употребляя в своем выражении: *jīgür-e ачуулан... ögсi ilebesu...*, имел в виду, очевидно, спешность доставления“.¹⁰

При этом остается не совсем ясным: к чему же относится эта спешность? Выяснению этого вопроса в большой степени может способствовать то обстоятельство, что сказуемое этого дополнительного предложе-

¹ Там же, стр. 239.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ С. А. Козин. Сокровенное сказание... стр. 19.

⁶ Тр. Инст. востоков. т. XVI, М. — Л., 1936, стр. 80.

⁷ Там же, стр. 117; ср. монгольский текст там же, стр. 113.

⁸ Там же, стр. 117, прим. 1.

⁹ Об этом мне любезно сообщил В. М. Надеяев — преподаватель кафедры монгольской филологии Вост. фак. Ленинградского государственного Ордена Ленина университета имени А. А. Жданова. Во время пребывания в указанном районе ему самому пришлось прибегнуть к такому способу для ускорения доставки письма из Корго-Кузальского кочевого совета в с. Хатангу (в апреле 1939 г.).

¹⁰ А. К. Богданов, ук. соч., стр. 239—240.

ния дано в форме слитного деепричастия *aʷulʷan*, которое служит для выражения одновременности действия дополнительного предложения *ali bar kelen aman... jīgūr-e aʷulʷan* и предложения *Berenggūd-ün ʷajar-un tangsuʷ-ud... öğçü ilebesü...* Поэтому *ali bar kelen aman ilčia-iyer-iyen jīgūr-e aʷulʷan* следует перевести: „Спешно посылая через своих послов всякого рода известия, вместе с тем ~ одновременно с тем...“.

4) В следующем предложении... *Berenggūd-ün ʷajar-un tangsuʷ-ud...* перевод слова *siŋχud* „кречеты“, данный В. Л. Котвичем, имеет значительные преимущества перед переводом „новинки“.¹ Посылка кречетов в виде подарка главе государства являлась одним из обыкновений не только той эпохи, но и значительно более позднего времени, причем сообщения об этом обычно входили в состав дипломатических писем.²

5) Выражение *öğçü ilebesü* в переводе В. Л. Котвича „если... пошлешь“³ — передано слишком дословно. При решении вопроса о переводе этого выражения следует руководствоваться указаниями акад. С. А. Козина о том, что „сочетания условных деепричастий с глагольной или именной формой, в которых деепричастия эти непосредственно предваряют глагольное или именное понятие о должествовании, соответствии, целесообразности, полезности и т. п...“⁴ являются псевдо-условными. В данном случае должествование выражено формулой *Tŋgri... medetügei* „Да ведают...“. Как видно, в форме *öğçü ilebesü* нет никакой условности и ее следует перевести: „о присылке [тобою]“ ~ „о том, чтобы [ты] прислал“. „... Да ведают [этим] Сила Неба и Счастье-Величие Императора“.

6) Выражение *ker-be soʷurχaχi* требует при переводе особого внимания. Правильное понимание его в значительной степени поможет установить значение формулы *Tŋgri-yin Küčün Χaʷan-u Suu medetügei*, а также уточнить перевод письма в целом.

Текст в транскрипции и его подстрочный перевод дана акад. И. Я. Шмидтом в следующем виде:

... *ker-ba ssojorchachoji...*

„... *Wie auch es verliehen werden wird...*“

т. е. „как бы ни было это⁵ даровано⁶“, что является вполне правильной передачей этого выражения.

Неясным остается, однако, почему обобщающее значение *ker-be* (как бы ни...), верно переданное в подстрочном переводе, не получило выражения в его литературной версии „*Wie es verliehen werden wird*“, т. е. как это будет даровано... .

¹ С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 498.

² Например, в ответном письме Аргуну Эдуард I сообщил о посылке в подарок кречетов: „... *vobis mittimus de nostris Girofalcis...*“ (В. Л. Котвич. Поправки к разбору монгольских писем..., стр. 344); см. также письма среднеазиатских ханов московским царям в сборнике „Материалы по истории Узбекской, Татжикской и Туркменской ССР“, ч. I. Л. 1933, стр. 156, 231, 275 и др., ср. стр. 137—138: „... а кречеты потеха царская и посылает их государь от своей любви к великим государем“.

³ *Wł. Kotwicz. En marge des lettres...*, стр. 12.

⁴ С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 493.

⁵ Т. е. все то, о чем идет речь в письме.

⁶ Слова „*Wie auch... es verliehen werden wird*“ переданы А. М. Позднеевым: „Если [?] это делается [?]“ (ук. соч., стр. 119).

⁷ *I. J. Schmidt*, ук. соч., стр. 5.

Относительно *ker-be* следует заметить, что в различных словарях оно дано в слитном написании со значениями: а) 'если', 'ежели', 'в случае',¹ б) 'ужели', 'будто', 'разве'.²

Кроме того, необходимо отметить следующее указание А. Бобровникова: „От частицы ᠠᠨᠢ ᠪᠡ , чрез наращение частицы ᠪᠠ ᠪᠠᠨᠢ (в древнем языке иногда ᠪᠠᠨ) образуется ᠪᠠᠨᠢᠪᠠᠨᠢ “. И далее: „Эта частица употребляется при условном деепричастии для показания, что при известном условии то или другое следствие необходимо. Поэтому значение ее можно выразить словами: во всяком случае“.³ (выделено А. Бобровниковым).

В новейших грамматиках *ker* отнесено к вопросительным местоимениям. Как известно, из местоимений этой категории: *ali* 'который' и *yambar* 'какой' путем прибавления частицы *ba* образуются неопределенные местоимения: *aliba* 'который бы то ни был' и *yambar-ba* 'какой бы то ни был'.

Можно полагать, что по аналогии с этими образованиями вопросительное местоимение *ker* 'как' в сочетании с частицей *be* ~ *ba* представляет собою местоименное наречие *ker-be* 'как бы ни', 'как бы ни было', 'как бы то ни было', 'каким бы то ни было образом', что не было отмечено существующими грамматиками и словарями. Как видно, значение *ker-be* было в общем правильно передано акад. И. Я. Шмидтом и нуждается только в некотором уточнении. Подобным образом переводил *ker-be* и В. Л. Котвич „de quelque manière“ 'тем или иным способом'.⁴ Перевод акад. С. А. Козина: 'очень [всячески]' уже в более сильной степени отделяется от основного значения *ker-be*.⁵

Soyurḡaḡu акад. И. Я. Шмидт передает словами 'verliehen werden wird' ('будет даровано' ~ 'дано'). Этот глагол действительно имеет значения 'пожаловать', 'оказать милость', 'даровать', 'дать', 'допустить'. Однако значение „вознаградить“, которое придает этому слову В. Л. Котвич, является в значительной мере произвольным и потому нельзя согласиться с его переводом — '... nous (te) récompenserons...'⁶ 'Мы (тебя) вознаградим...'

Акад. С. А. Козин переводит *soyurḡaḡu* как 'обяжете' полагая, что это слово имеет значение 'пожаловать', 'быть благодарным, обязанным'.⁷ Последние два значения представляются, однако, не вытекающими из первого и значительно от него удаленными.

В то же время трудно допустить, чтобы за столь незначительное одолжение, каким является присылка подарков, Аргун мог бы считать себя обязанным королю франков, которому он послал письмо в таком высокомерном тоне (см., напр., выражение *kepen ösijü ilegsen*... ты [нам] прислал доклад).⁸

Как видно, перевод акад. И. Я. Шмидта является не только наиболее точным в филологическом отношении, но и совершенно правильно пере-

¹ О. Ковалевский. Монгольско-русско-французский словарь, т. III, стр. 2515.— К. Ф. Голстунский. Монгольско-русский словарь, т. III, стр. 427.— К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев, Монгольско-русский словарь, стр. 527.

² К. Ф. Голстунский, ук. соч., стр. 427.

³ А. Бобровников. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849, стр. 194.

⁴ Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 12.

⁵ С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 493—499.

⁶ Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 12.

⁷ С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 493—499.

⁸ С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 430.

дает представление Аргуна, что все, о чем идет речь в деловой части его письма — поход против Египта, а также присылка подарков — 'будет даровано' ~ 'будет дано'. Выше было указано на представления монголов той эпохи о решающей роли и значении „Вечного Неба“ в ходе событий, а также в действиях отдельных лиц, в том числе и императоров — „земных представителей“ „Вечного Неба“.

Так же и в выражении *ker-be souyγaγu* 'как бы ни было даровано' содержится полное и безусловное признание автором письма зависимости его дел и поступков, а также разного рода событий от „высшей воли“. Поэтому выражение *ker-be souyγaγu* следует понимать: 'как бы ни было' ~ „каким образом бы ни было даровано“ ~ „дано“ [„свыше“] (все то, о чем сказано в письме).

Поэтому нельзя согласиться с теми переводами, которые подразумеваемым логическим подлежащим при сказуемом *souyγaγu* считают:

1) автора письма „... мы (тебя) вознаградим...“¹ или же

2) короля франков „... [Вы] очень обяжете...“²

Из установленного понимания *ker-be souyγaγu* следует также, что это выражение нельзя считать относящимся только к вопросу о присылке подарков, а необходимо отнести ко всей деловой части письма Аргуна.

Вопрос о том, каким образом „будет даровано“ все, что составляет содержание этого письма, решается формулой *Tngri-yin Kūčün Haγan-u Suu medetügei*.

7) За рассмотренным здесь выражением следует показатель винительного падежа *yü*. Его значение и функция были исчерпывающим образом установлены акад. С. А. Козиным.

8) Формулу *Tngri-yin Kūčün Haγan-u Suu medetügei* акад. И. Я. Шмидт и последующие авторы считали относящейся только к последней фразе письма (к вопросу о присылке подарков). Неправильность этих переводов была выяснена акад. С. А. Козиным, который и показал, что эта формула относится ко всему письму, точнее ко всей его деловой части.

Все же акад. И. Я. Шмидт правильно перевел форму *medetügei* словами *mag... wissen (entscheiden)* „да ведает (решает)“³

В. Л. Котвич переводит *medetügei* как „да ведают, да знают [que sachent]“⁴ Указав, что это обращение к „высшим силам“ имеется в письмах как Аргуна, так и Ульзэйтү, В. Л. Котвич отметил, что оно должно было придавать обещаниям значение клятвы.⁵

Действительно, как показано выше, такого рода призывания служили для клятвенного подтверждения обещаний. Однако они прежде всего выражали признание зависимости от „высшей воли“. Такой именно характер и назначение призывания „высших сил“ в письме Аргуна выражены в переводе акад. С. А. Козина „... [На все сие] да будет воля...“⁶.

Формула *Tngri-yin Kūčün Haγan-u Suu medetügei* в письме Аргуна и показывает, что „Силе Неба“ и „Счастью-Величию Императора“ предоставлялось решение вопроса о том, каким именно образом будет „даровано“ ~ „дано“ все, что составляет содержание этого документа.

¹ Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 12.

² С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 493.

³ I. J. Schmidt, ук. соч., стр. 11.

⁴ Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 12.

⁵ Там же, стр. 44.

⁶ С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 498—499.

Из сказанного можно видеть, что *medekü* имеет значения:

1) 'ведать' — „знать что-либо“ 2) 'ведать чем-либо' — „иметь волю над чем-либо или в чем-либо“.

Последнее значение *medekü* дает возможность перевести форму *medetügei* вполне точно словами „да ведает [этим~тем]“. Таким образом перевод формулы *Tngri-yin Küšün Хауан-и Суу medetügei* будет: „Да ведают [всем, о чем в письме идет речь] Сила Неба и Счастье-Величие Императора“ ~ „Да будет воля Силы Неба и Счастья-Величия Императора [на все это]...“.

9) Деловая часть письма заканчивается фразой *kemen Müskeril χοrži-yi iibei* „сказать [обо всем этом] [мы] послали стрельца Мускерия“.

В итоге сказанного вторую половину деловой части письма Аргуна следует перевести:

„Еще [о том, чтобы ты], как можно быстрее, посылая через своих послов разного рода известия, вместе с тем прислал редкостей, кречетов и разноцветных камней земли франков. Как бы ни было [все, о чем мы пишем] даровано [„выше“] да ведают [этим] Сила Неба и Счастье-Величие Императора. Сказать [обо всем этом] мы послали стрельца Мускерия“.

Краткий вариант изучаемой формулы *Tngri... medetügei* в письме Ульдзэйтү исследователи этого документа переводили словами: „Да ведает Небо...“, причем эти слова ими понимались как призывание „высшего авторитета“ в свидетели заявления Ульдзэйтү об его готовности охранять мир.¹

Такое понимание этой формулы имеется и в переводе акад. С. А. Козина: „Ныне призываем Небо в свидетели...“. Однако и в этом переводе формула *Tngri... medetügei* отнесена только к словам о готовности Ульдзэйтү „всемерно защищать высшее из них [благ]...“,² т. е. к последней фразе деловой части.

Все эти переводы правильно отмечали, что обращение к „Небу“ представляет собою призывание его в свидетели, что однако является только одною из черт этого обращения. Основное значение его было иным, о чем более подробно сказано выше. Кроме того, и в данном случае необходимо применить указание акад. С. А. Козина о том, что показатель винительного падежа и заключительная формула должны быть отнесены ко всему письму (см. выше, стр. 412), точнее — ко всей его деловой части.

Поэтому последнее предложение письма Ульдзэйтү... *Edüge bidan-dur ba tandur bar ülü Јokildухун-и Tngri-yin Küšün-dür бәри-yer deger-e anu ömerin bayıхuyi tngri medetügei*... следует перевести:

„Ныне мы Силою Неба готовы всемерно защищать высшее из них (благ), в том случае, если возникнет несогласие, будь то у нас или же у вас.³ Да ведает Небо [всем, о чем мы пишем]!“.

В формуле *Tngri-yin Küšün Хауан-и Суу medetügei* Аргун обращался к тем же „авторитетам“, предоставляя их ведению ~ воле все, о чем он писал королю франков: как большое — поход против Египта,

¹ I. J. Schmidt, ук. соч., стр. 19. — G. Pauthier, ук. соч., стр. 731. — А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 123. — И. А. Ключкин. Письмо Ульдзэйтү иль-хана, стр. 22, 24. — Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 35. — Он же, Les Mongols, promoteurs de l'idée du paix universelle..., стр. 4, 5.

² С. А. Козин. К вопросу о дешифровании..., стр. 654.

³ С. А. Козин. К вопросу о дешифровании..., стр. 654.

так и малое — присылку подарков. Те же „авторитеты“ призывались Аргуном в свидетели серьезности его решения участвовать в совместных военных действиях и искренности его обещаний выполнить свои обязанности союзника. Таким образом, Аргун давал клятву исполнить взятые на себя обязательства.

Так же и Ульдзэйтү при посредстве формулы *Tngri... medetügei* ставил большие и важные задачи внутренней и внешней политики в зависимость от воли „Неба“, роль которого в этих вопросах неоднократно отмечалась в этом же документе. Тот же „высший авторитет“ призывался в свидетели готовности защищать мир, что представляло собою клятву осуществить эти намерения.

Обращение к „Силе Неба“ и „Счастью-Величию Императора“ — пространное в письме Аргуна и краткое в письме Ульдзэйтү — облечено в этих документах в определенную формулу. Однако разнообразие значений делает затруднительным общее определение формулы *Tngri... medetügei*, в котором были бы выражены все ее функции.

Ввиду того, что в формуле *Tngri... medetügei* призывались те же „высшие силы“, как и в инвокации, изучаемая формула в письме Аргуна имела такую же большую значимость, как и пространная инвокация в этом документе. Об этом свидетельствует и ее особо-почетное положение: каждое из двух выражений:

- 1) *Tngri-yin Kūcün*
- 2) *Хаҗан-у Суу медетүгеи,*

в письме Аргуна помещено в отдельной строке, начало которой выдается над общим уровнем соседних строк. В письме Ульдзэйтү формула *Tngri medetügei* тоже начинается выше других строк.

Таким образом придавалось исключительно большое значение документу как предмету, на который обращалось внимание „Силы Неба“ и „Счастья-Величия Императора“, и создавалась его особая авторитетность во мнении не только его автора, но и адресата.

То обстоятельство, что и письмо Ульдзэйтү, не имеющее инвокации, завершается формулой *Tngri medetügei*, показывает ее необходимость и значение для дипломатического письма.

Из сказанного следует, что формула *Tngri... medetügei* представляет собою одну из наиболее существенных конструктивных формул писем Аргуна и Ульдзэйтү — памятников монгольской дипломатической переписки XIII—XIV вв.

В пространной инвокативной формуле Аргун призывал „Силу Неба“ и „Счастье-Величие Императора“ для признания своей зависимости от этих „высших авторитетов“ и тем самым для „обоснования“ своей власти. Таким путем получили выражение его политические и религиозные взгляды.

Они выражены также в пространном варианте формулы *Tngri... medetügei*, в котором Аргун предоставлял этим же „авторитетам“ решающую роль и значение в тех вопросах и с теми целями, о которых было сказано. Таким образом и в этой формуле он признавал свою зависимость от них и этим обосновывал свою власть.

Кроме того, Аргун в этом же письме выразил свою зависимость от Неба в следующих выражениях: а) *Tngri-yi jalbari ju... mörile ju* „помолясь Небу... выступим...“, б) *Tngri-de mör* „ögde ju tede irge abubasu...“ „Если Небо дарует удачу и мы завладеем теми народами...“.

В письме Ульдзэйтү инвокативная формула отсутствует, что уже отмечалось исследователями. По мнению В. Л. Котвича, возможно, что Ульдзэйтү в качестве мусульманина-неофита предпочитал не применять шаманскую формулу. Однако, Ульдзэйтү не являлся мусульманином-неофитом. До него в ислам перешли Ахмед и Газан, которые в своих письмах пользовались „басмалой“, а также мусульманскими инвокациями, составленными по монгольским образцам (см. выше стр. 413—414).

В связи с мнением В. Л. Котвича, акад. С. А. Козин заметил, что „неупоминание в формуле его [Ульдзэйтү] об императоре может иметь, кроме религиозных еще и политические причины, требующие своего выяснения“.¹ Последняя задача выходит за пределы настоящей работы. Все же следует сказать, что в вопросах применения инвокативных формул политические причины являлись главными,² что подтверждается изучением этих формул.

Пространная инвокативная формула в письме Ахмеда содержит обращение к „Силе Аллаха Всевышнего“ и к „Благодати Кана“, что представляет собою признание автором письма своей зависимости от этих „высших сил“.

В инвокации письма Газана „Кан“ не упоминается. Это свидетельствует о том, что автор письма считал себя независимым от „великого хана“. Выражением независимости Газана является также то, что на монетах этого иль-хана слова Qā'ān al — a'ḡam, в которых его предшественники выражали свою зависимость от императора, были заменены словами Tngri-yin Kūšün-dür.³ Можно полагать, что по этой же причине Ульдзэйтү не применил в своем письме призывания императора и вместе с тем и всей инвокативной формулы.

Остается неясным, почему Ульдзэйтү не воспользовался инвокацией наподобие той, которая имеется в письме Газана. Повидимому, Ульдзэйтү в начале своего правления (к этому времени и относится изучаемое письмо) в большей степени, чем Газан, придерживался монгольских традиций. Это можно видеть, например, из того, что он сохранил монгольское имя Ульдзэйтү, принятое им при вступлении на престол, а в письме 1305 г. неоднократно ссылаясь на „Небо“ и пользовался формулой Tngri... medetügei... .

Следует напомнить уже отмеченный В. Л. Котвичем⁴ факт — мусульманин Ульдзэйтү писал: Edüge Tngri-yin Kūčündür bida yeke or-a saγuγsan-dur... „Ныне мы силою Неба вступив на великий престол...“. Можно указать еще на следующие выражения в том же письме: 1) Edüge Tngride sedkil ögdejü... „Ныне же — Небо внушило (такие намерения)...“; 2) Edüge Tngride ibegdejü... „Ныне вспомоществуемые Небом...“; 3) Edüge Tngri-yin Kūčün-dür büri-yer deger-e anu ömerin bayıxuyı... Tngri

¹ С. А. Козин. Язык первого периода..., стр. 493.

² Например, по вопросу о взаимоотношениях Аргуна и Хубилая см. сообщения Рашид-ад-дина о том, что после вступления Аргуна на престол [11. VIII. 1284] „... от каана прибыл Урдукия и привез ярлык: «Аргун-хану быть ханом вместо отца»“.... [7. IV. 1286] Аргун-хан во второй раз воссел на ханский престол...“ (Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. III. М. — Л., 1946, стр. 113, 116). См. также: „Das Verhältniss der Ilchane zum Gross-Chan“ (B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Leipzig, 1939, стр. 265—269).

³ B. Spuler, ук. соч., стр. 267.

⁴ Wl. Kotwicz, Formules initiales..., стр. 144.

medetügei... „Ныне призываем Небо в свидетели того, что силою Неба готовы защищать высшие из них (благ)“.¹

Отсутствие инвокации и применение краткого варианта этой формулы, в которой император не упоминается, показывает отношение Ульдзэйтү к „высшим авторитетам“ — его стремление считать себя независимым от „великого хана“² и в то же время признание своей зависимости от „Неба“. Как известно, формулы в начале письма Аргуна привлекали внимание исследователей этого памятника, начиная с Абель-Ремюза, который заметил, что первая из них встречается почти во всех известных монгольских письмах, а в письмах Бачу [Байджу] нойона, Ильчикатая [Эльджигэдэя] и Мангу [Мункэ]-хана являлась „свидетельством их достоверности“ [?], а вторая — выражала зависимость Аргуна от „великого хана“. Отметив, что в письме Ульдзэйтү начальные формулы отсутствуют, Абель-Ремюза ограничился замечанием, что особенно странным является отсутствие второй формулы в письме, на котором имеется печать, дарованная великим ханом.³

В. Л. Котвич указал, что в инвокативных формулах государи удельных владений для утверждения своей власти ссылались на „Небо“, а также на императора, который передавал им в известных пределах часть своего могущества.⁴

При изучении вассалитета у монголов акад. Б. Я. Владимирцов отметил, что „все царевичи, владельцы уделов, являлись вассалами монгольского императора и правили хагап-у сү-дүр, т. е. «счастьем-величием императора»“⁵ и далее... „когда царевичи хотели отметить, что они признают сюзеренитет великого хана, то в грамотах своих писали хагап-у сү-дүр «в счастье-величие хагана»“.⁶

Эта формула применялась и в эдиктах — памятниках квадратной письменности.⁷

Еще одна пространная инвокация — „Силою Вечного Неба, Покровительством Великого Могущества“ — представляет интерес в том отношении, что ею пользовались как императоры, так и ханы Золотой Орды. Причины этого, по мнению В. Л. Котвича, возможно, заключаются в том, что Золотая Орда обладала большей степенью самостоятельности, чем всякий иной монгольский удел.⁸ Это предположение требует, однако, дальнейшего изучения и обоснования.

Таким образом в пространных инвокативных формулах путем призвания императора устанавливалась зависимость правителей отдельных областей монгольской империи от ее главы. Эта зависимость выражалась также в пространном варианте формулы Tngri... medetügei в письме Аргуна, которая имела еще и другие функции.

Отсутствие пространной инвокации или же упоминание в ней императора свидетельствует о том, что автор документа считал себя более или менее независимым от него. Этому соответствует употребление краткого варианта формулы Tngri... medetügei в письме Ульдзэйтү.

¹ С. А. Козин. К вопросу о дешифровании..., стр. 647 (текст) и стр. 653—654 (перевод).

² Со своей стороны Хубилай прислал ему утверждение через своих посланцев в конце 1305 г. (В. Spuler, ук. соч., стр. 107).

³ Abel-Rémusat, ук. соч., стр. 393.

⁴ Wł. Kotwicz. En marge des lettres..., стр. 4.

⁵ Акад. Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 100.

⁶ Там же, ст. 125, прим. 2.

⁷ Тр. Инст. востоков., т. XXI, М. — Л., 1941, стр. 59—61, 71—73.

⁸ Wł. Kotwicz. Formules initiales..., стр. 142.

Как видно, все эти формулы служили для выражения того или иного отношения вассалов-правителей уделов империи к сюзерену-императору. Поэтому изучение этих формул имеет большое значение для исследования писем иль-ханов Ирана, а также других монгольских официальных документов XIII—XIV вв. Как заметил акад. Б. Я. Владимирцов,¹ они содержат материалы для изучения монгольского феодализма той эпохи.

Отношение вассалов-владельцев уделов к сюзерену-императору является одной из основных проблем исследования монгольского феодализма, которая в целом относится к компетенции соответствующих специалистов. Однако и филологический анализ указанных формул в монгольских официальных документах XIII—XIV вв. несомненно может в значительной степени способствовать ее изучению. Поэтому необходимы дальнейшие исследования как этих, так и других конструктивных формул (напр. формулы *Üge Mani* „Слово Наше“) и особенностей (напр. расположения наименований автора и адресата), а также структуры в целом монгольских официальных документов XIII—XIV вв.

Такие исследования будут иметь большое значение также для изучения монгольской феодальной дипломатики, которая до настоящего времени еще в недостаточной степени привлекала внимание монголоведов, но представляет большой интерес как для историков Монголии, так и для филологов.

---

¹ Акад. Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 11.